

Митрополит ИЛАРИОН (Алфеев)

ИИСУС ХРИСТОС

жизнь и учение

Книга IV ПРИТЧИ ИИСУСА

Иисус Христос. Жизнь и учение

Иларион (Алфеев)

**Иисус Христос. Жизнь и учение.
Книга IV. Притчи Иисуса**

Торговый Дом "Познание"

2019

УДК 27-317
ББК 86.37-3

(Алфеев) И.

Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга IV. Притчи Иисуса /
И. (Алфеев) — Торговый Дом "Познание", 2019 — (Иисус
Христос. Жизнь и учение)

ISBN 978-5-906960-49-8

Настоящая книга продолжает серию исследований о жизни и учении Иисуса Христа. Она посвящена притчам Спасителя, содержащимся в трех синоптических Евангелиях — от Матфея, Марка и Луки. Автор книги рассматривает каждую притчу, помещая ее в широкий богословский и культурно-исторический контекст. Две тысячи лет спустя притчи Христа звучат так же выразительно, как звучали для Его современников, погружая мысль читателя в бездонные глубины веры. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 27-317

ББК 86.37-3

ISBN 978-5-906960-49-8

© (Алфеев) И., 2019
© Торговый Дом "Познание", 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	12
1. Притчи в Ветхом Завете	15
2. Почему иисус говорил притчами?	23
3. Притчи иисуса: классификация	39
4. Притчи Иисуса: основные конструктивные элементы	52
5. Притчи Иисуса: способы интерпретации	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Митрополит Иларион (Алфеев) Иисус Христос. Жизнь и учение. Книга IV. Притчи Иисуса

РЕКОМЕНДОВАНО К ПУБЛИКАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р18-825-3467

Общecerковная
аспирантура
и докторантура

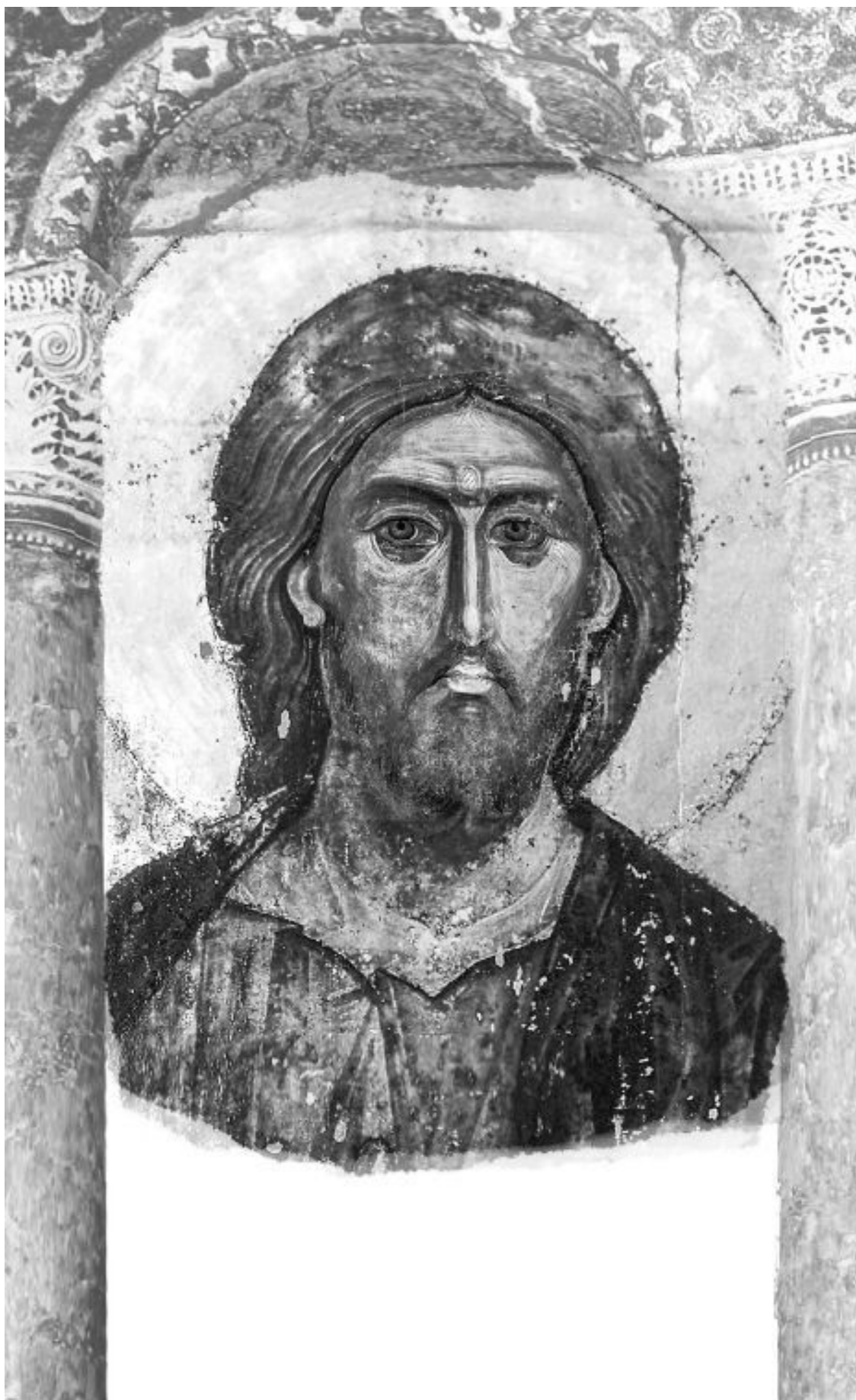

ПОЗНАНИЕ

Издательство
Сретенского
монастыря

© Иларион (Алфеев), митр., текст, 2019
© АНО «ЦЕНТР-ПОЗНАНИЕ» (Издательский дом «Познание»), 2019
© Сретенский монастырь, макет, оформление, 2019

Предисловие

Настоящая книга посвящена притчам Иисуса Христа, содержащимся в трех синоптических Евангелиях – от Матфея, Марка и Луки. Книга продолжает серию исследований, посвященных жизни и учению Иисуса Христа. В соответствии с общим замыслом серии ее основная тема разделена на крупные тематические блоки: 1) рождение и детство Иисуса, начало служения; 2) Нагорная проповедь; 3) чудеса; 4) притчи; 5) Иисус в Евангелии от Иоанна; 6) Страсти и воскресение. Каждому тематическому блоку соответствует одна книга.

Спас Вседержитель. *Икона. Кон. XIII в.*

В истории человечества не было другого учителя, который использовал бы жанр притчи столь же широко и последовательно, как это делал Иисус Христос. Унаследовав этот жанр от Ветхого Завета, Он расширил его возможности до такой степени, довел искусство притчи до такого совершенства, что никто из Его последователей – ни в первом, ни в других поколениях – не обращался к жанру притчи¹. Мы не находим притч ни в книге Деяний, ни в соборных

¹ Albright W.F, Mann C. S. Matthew. Introduction, Translation and Notes. P. CXXXII.

посланиях, ни в посланиях Павла, ни в творениях мужей апостольских, ни в сочинениях отцов Церкви (за исключением единичных случаев, скорее напоминающих сравнения и метафоры, чем полноценные притчи, подобные сюжетным притчам из синоптических Евангелий).

В Своей речи Иисус часто прибегал к образам, сравнениям, заимствованным из повседневной жизни или из мира природы. Однако не все эти сравнения можно отнести к жанру притч. Так, например, в Нагорной проповеди ученики названы солью земли и светом мира (Мф. 5:13–16): это сравнение, но не притча. Далее в той же проповеди Иисус предлагает ученикам взглянуть на птиц небесных, которые *ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы*, и на лилии полевые, которые *ни трудятся, ни прядут* (Мф. 6:26, 28). Эти сравнения указывают на заботу Бога о человеке и призваны проиллюстрировать главную мысль, развиваемую на конкретном отрезке текста Нагорной проповеди: *Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.. Не заботьтесь о завтрашнем дне...* (Мф. 6:31, 34). Но они также не являются притчами. К числу притч можно отнести только завершение Нагорной проповеди – слова о муже благоразумном, построившем дом на камне, и о человеке безрассудном, построившем дом на песке (Мф. 7:24–27).

В настоящей книге мы не будем рассматривать ни сравнения, вошедшие в Нагорную проповедь², ни содержащиеся в Евангелии от Иоанна поучения о добром пастыре (Ин. 10:1–16) и виноградной лозе (Ин. 15:1–8). Эти поучения имеют некоторое сходство с притчами, поскольку в них используется язык метафор³. Однако, как правило, они не включаются в исследования, посвященные притчам. Мы рассмотрим их в 5-й книге серии «Иисус Христос. Жизнь и учение», целиком посвященной Евангелию от Иоанна.

Объектом нашего внимания в настоящей книге не станут различные краткие высказывания, имеющие некоторое сходство с притчами, например: *не здоровые имеют нужду во враче, но больные* (Мф. 9:12; Мк. 2:17; Лк. 5:31).

Поучение о Страшном суде из Евангелия от Матфея (Мф. 25:31–46) иногда включается в число притч на том основании, что оно начинается со сравнения праведников с овцами, а прочих – с козлами. Однако в дальнейшем это сравнение никак не развивается.

² Эти сравнения были рассмотрены в книге, посвященной Нагорной проповеди. См.: *Иларион (Алфеев), митр.* Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. II: Нагорная проповедь. С. 481–494.

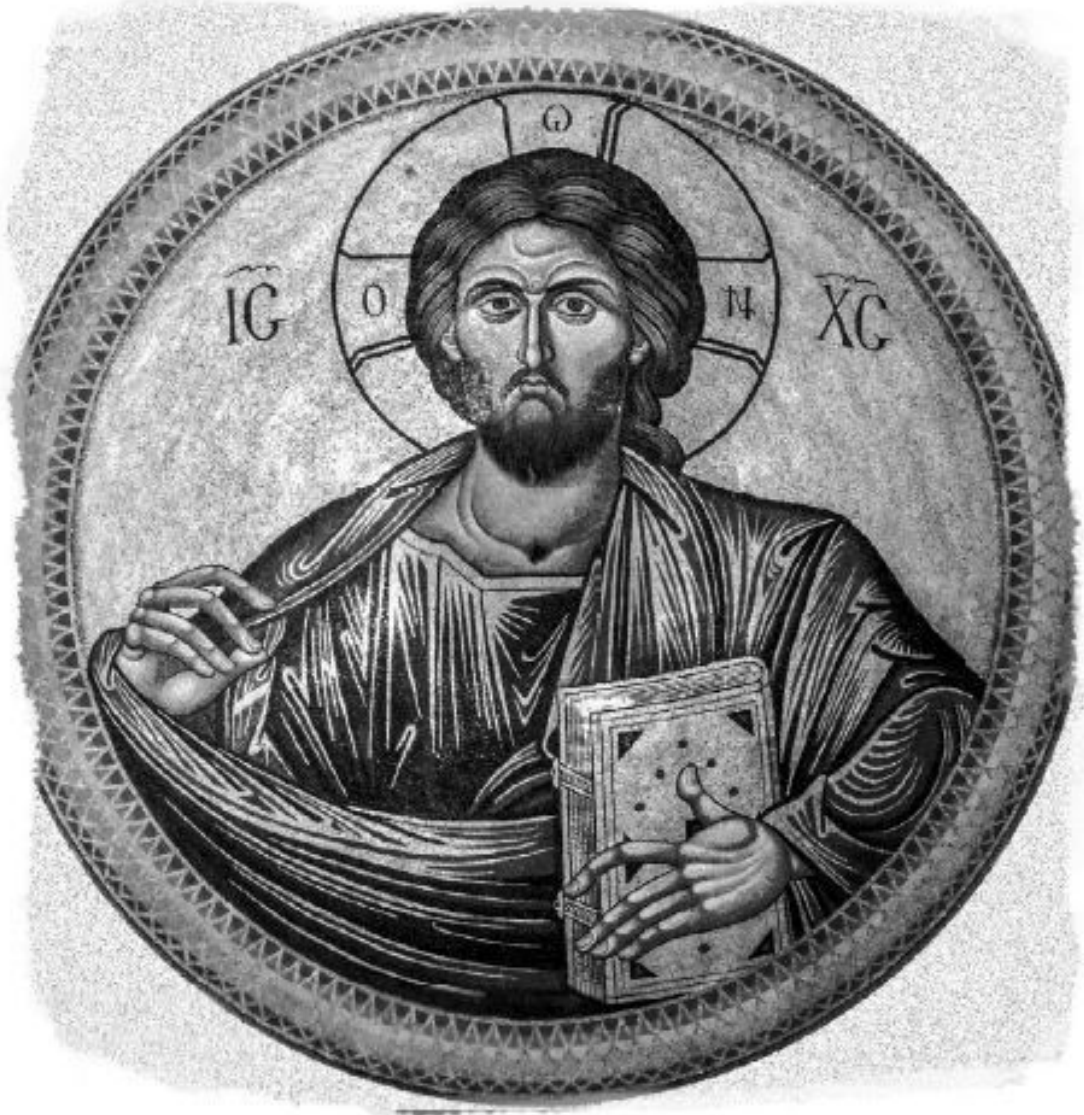
³ О притчевом и метафорическом характере поучений Иисуса в Евангелии от Иоанна см.: *Dodd C. H.* Historical Tradition in the Fourth Gospel. P. 366–387.

Спас Вседержитель. Мозаика. XII в.

С нашей точки зрения, поучение не является притчей: его следует рассматривать отдельно от притч – внутри той речи, частью которой оно является⁴.

⁴ Эта речь будет рассмотрена в 6-й книге серии «Иисус Христос. Жизнь и учение».

Спас Вседержитель. Мозаика. XX в.

В настоящей книге мы обратимся только к тем историям, которые представляют собой полноценные притчи – с фабулой, сюжетом и действующими лицами. Они будут рассматриваться в той последовательности, в какой были произнесены, насколько ее возможно восстановить по трем синоптическим Евангелиям. Соответственно, притчи будут разделены на три категории: относящиеся к галилейскому периоду служения Иисуса; произнесенные на пути из Галилеи в Иерусалим; произнесенные в Иерусалиме в последние дни Его земной жизни.

Глава 1 Притчи Иисуса и их понимание

Что такое притча? Научная дискуссия вокруг этого вопроса продолжается уже не одно столетие, и однозначного ответа ученые не нашли. Тем не менее практически все исследователи сходятся в том, что центральным формообразующим элементом притчи является метафора⁵. Без метафоры не может быть притчи, и каждая притча может быть названа расширенной метафорой⁶. При этом, разумеется, далеко не всякая метафора представляет собой притчу.

В литературоведении притчей обычно называют короткий рассказ, в котором используется метафорический язык для выражения той или иной нравственной истины.

Иисус очень часто излагал Свои поучения в форме притч. От общего объема Его поучений, вошедших в четыре Евангелия, треть (или около тридцати пяти процентов) составляют притчи⁷. Использование притчи в качестве основной формы передачи духовно-нравственных истин было настолько характерным для Иисуса, что евангелисты специально отмечали: *Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им* (Мф. 13:34); *И таковыми многими притчами проповедовал им слово, сколько они могли слышать. Без притчи же не говорил им...* (Мк. 4:33–34). Когда Иисус переставал говорить притчами, это даже вызывало удивление: *Вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой* (Ин. 16:29).

⁵ См.: Jones I. V The Matthean Parables. P. 56–68.

⁶ Perrin N. Jesus and the Language of the Kingdom. P. 56 (“A parable is an extended metaphor..”).

⁷ Young B. H. The Parables. P. 7; Snodgrass K. R. Stories with Intent. P. 22.

В синоптических Евангелиях термин *παραβολή* («притча», «подобие», «сравнение») употребляется не только по отношению к полноценным притчам. Им могут быть обозначены: пословица или поговорка (Лк. 4:23; 6:39); изречение (Мф. 15:15; Мк. 7:17); метафорическое высказывание (Мк. 3:23; Лк. 5:36); наставление на нравственную тему (Лк. 14:7); афоризм (Мф. 9:12; Мк. 2:17; Лк. 5:31) и т. д.⁸ Так, например, Иисус употребляет термин *παραβολή* («притча») по отношению к высказыванию: *Врач! исцели Самого Себя* (Лк. 4:23). Однако в Синодальном русском переводе этот термин передан как «присловие», что вполне соответствует характеру высказывания: это, скорее, пословица, присказка, чем полноценная притча.

Евангелия содержат более тридцати полноценных притч – рассказов с одним или несколькими действующими лицами (или образами), содержащих в себе нравственный урок (или уроки). Если включить в число притч краткие изречения и сравнения, имеющие форму иносказания и приближающиеся к притче по типу изложения, то их общее количество превысит шестьдесят⁹.

Прежде чем обратиться к толкованию притч Иисуса, мы в настоящей главе скажем о предыстории притчевого жанра в ветхозаветной традиции. Затем попытаемся ответить на вопрос, почему Иисус говорил притчами. Далее будут рассмотрены различные способы классификации притч: по месту и времени произнесения, по содержанию, по длине, по иным критериям. Объектом нашего внимания также станут основные конструктивные элементы притчи, ее образность и поэтика. Заключительный раздел главы будет посвящен способам интерпретации притч как в древности, так и в Новое время.

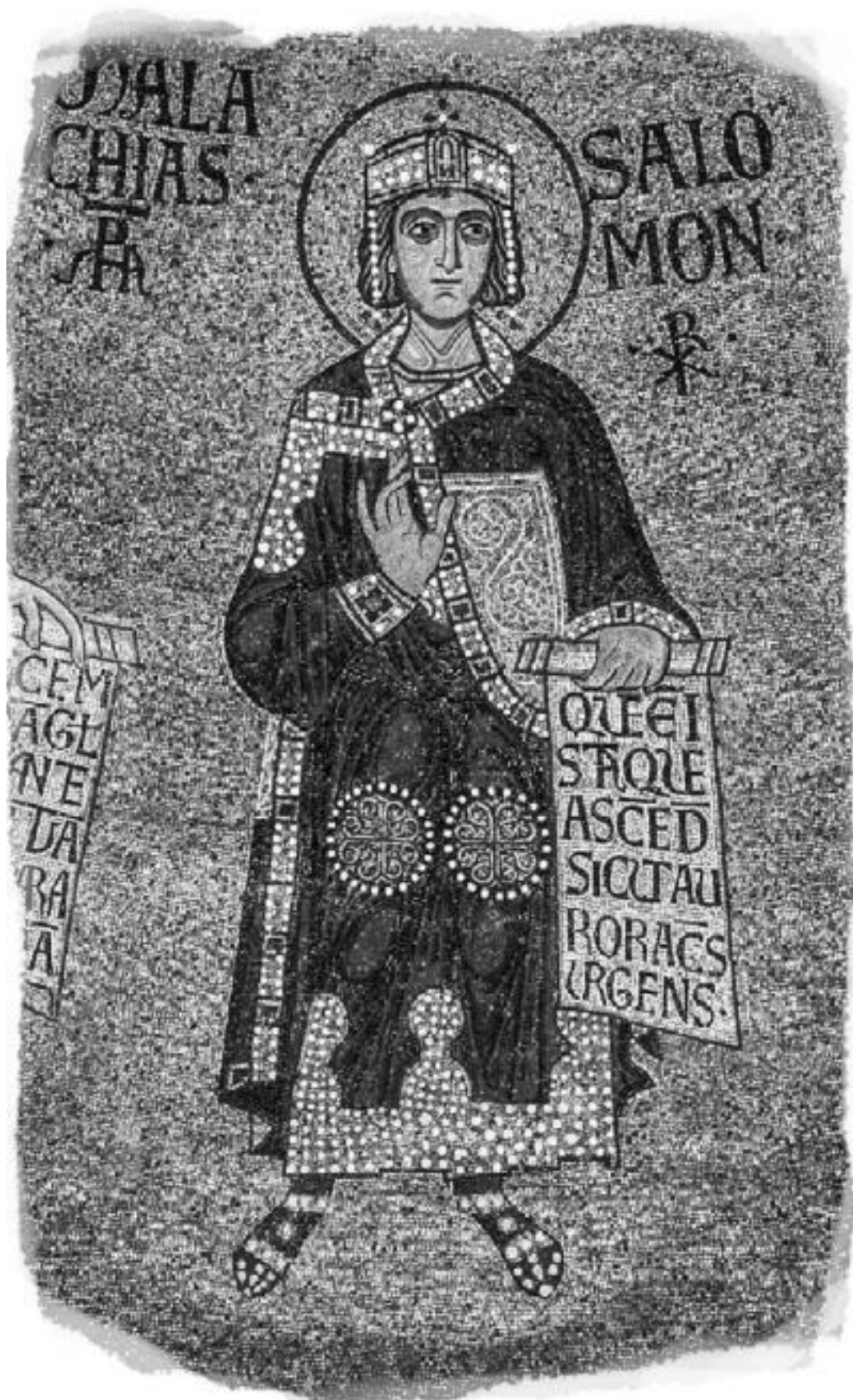
⁸ См.: *Haufe G.* *Παραβολή*. P. 15.

⁹ Ученые по-разному оценивают общее количество притч, содержащихся в Евангелиях. А. Юлихер комментирует 53 притчи (*Julicher A.* *Die Gleichnisreden Jesu*), Ч. Додд (*Dodd C. H.* *Parables of the Kingdom*) – 32, Й. Иеремиас (*Jeremias J.* *The Parables of Jesus*) – 41, Б. Скотт (*Scott B. B.* *Hear Then the Parable*) – 30, А. Хультгрэн (*Hultgren A. J.* *The Parables of Jesus*) – 38, Г. Вермеш (*Vermes G.* *The Authentic Gospel of Jesus*) – 40. А. Хантер считает, что общее число притч в Евангелиях – около 60 (*Hunter A. M.* *Interpreting the Parables*); Т. У. Мэнсон насчитывает 65 притч (*Manson T. W.* *The Teaching of Jesus*. P. 69).

1. Притчи в Ветхом Завете

-янемиріЕврейское слово «машал» (*מָשָׁל māšāl*), переводимое как «притча», изначально лось к любому афоризму, содержание которого шире, чем его буквальный смысл. Для иллюстрации той или иной мысли «машал» может включать в себя сравнение, пример или метафору. Со временем термин стал употребляться для обозначения басни или притчи, построенной по принципу аллегии или подобия: та или иная истина в «машале» разъясняется с использованием образов из иной сферы. В частности, для описания качеств или действий человека используются образы из мира растений или животных. В Септуагинте термин «машал» чаще всего (в двадцати восьми случаях из тридцати) переводится как *παραβολή* («сравнение», «сопоставление», «подобие», «притча»). Элемент сравнения имеет ключевое значение для формы притчи.

Царь Соломон. Мозаика. XII в.

В Ветхом Завете термин «машал» применяется в первую очередь к притчам царя Соломона, собранным в единую книгу. Эти притчи представляют собой краткие наставления; некоторые из них имеют аллегорическую форму. В частности, те или иные качества или поступки человека сравниваются с качествами животных или явлениями природного мира:

Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник (Притч. 6:6-11).

Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины (Притч. 6:27-29).

Некоторые притчи Соломона представляют собой афоризмы, построенные по принципу противопоставления. Глупости противопоставляется мудрость, лени – трудолюбие, нечестию – праведность:

Неверные весы – мерзость пред Господом, но правильный вес угоден Ему...

Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти.

Правда непорочного уравнивает путь его, а нечестивый падет от нечестия своего.

Правда прямодушных спасет их, а беззаконники будут уловлены беззаконием своим.

Со смертью человека нечестивого исчезает надежда, и ожидание беззаконных погибает.

Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый.

Устами лицемер губит ближнего своего, но праведники прозорливостью спасаются.

При благоденствии праведников веселится город, и при гибели нечестивых бывает торжество.

Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается (Притч. 11:1, 4-11).

Целый ряд афоризмов содержит сравнения между отдельными качествами человека и животными, явлениями природного мира или изделиями человеческих рук:

Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женица красивая и – безрассудная (Притч. 11:22).

Гроза царя – как бы рев льва: кто раздражает его, тот грешит против самого себя (Притч. 20:2).

Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах – слово, сказанное прилично.

Золотая серьга и украшение из чистого золота – мудрый обличитель для внимательного уха.

Что прохлада от снега во время жатвы, то верный посол для посылающего его: он доставляет душе господина своего отраду.

Что тучи и ветры без дождя, то человек, хвастающийся ложными подарками (Притч. 25:11-14).

Как снег летом и дождь во время жатвы, так честь неприлична глупому.

Как воробей вспорхнет, как ласточка улетит, так незаслуженное проклятие не сбывается.

Бич для коня, узда для осла, а палка для глупых (Притч. 26:1-3).

Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою...

Где нет больше дров, огонь погасает, и где нет наушника, раздор утихает.

Уголь – для жара и дрова – для огня, а человек сварливый – для разжжения ссоры.

Слова наущника – как лакомства, и они входят во внутренность чрева.

Что нечистым серебром обложенный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное (Притч. 26:11, 20–23).

О Соломоне как мастере притч, основанных на тщательных наблюдениях за жизнью природы, пишет Иосиф Флавий:

Мудростью своею Соломон значительно превосходил даже тех славившихся в его время у евреев за свою проницательность лиц, имена которых я не могу обойти молчанием... Он сочинил в стихах и в виде песен тысячу пять книг и три тысячи книг притч и уподоблений: при виде каждого дерева, от иссопа до кедра, он умел сообщить какую-нибудь притчу, равным образом как и относительно всех диких зверей и ручных животных, рыб и птиц. Не было ни одной черты их образа жизни, которая осталась бы неизвестною ему или которую он оставил бы без внимания; напротив, о всех их он умел сообщить что-нибудь и при этом обнаруживал основательнейшее знакомство с мельчайшими их особенностями¹⁰.

Наиболее существенным отличием притч Соломона от тех, что мы встретим в речах Иисуса, является их содержательное наполнение. По сути они представляют собой «афоризмы житейской мудрости», направленные на то, чтобы оградить человека от дурных поступков, подсказать правильные нравственные ориентиры, задать систему координат, по которой он должен выстраивать жизнь в земном мире. Религиозная составляющая в этих притчах присутствует лишь эпизодически; основные же смысловые линии связаны не с темой взаимоотношений между человеком и Богом, между миром дольным и горним, а с тематикой отношений людей друг с другом или же отношения человека к своей деятельности, к окружающему миру.

¹⁰ Иосиф Флавий. Иудейские древности. 8, 2, 5. С. 320.

Иосиф Флавий. Гравюра. XVI в.

Притчи Соломона отличаются от притч Иисуса также своей краткостью. Лишь некоторые краткие изречения Иисуса по форме подобны притчам Соломона, например: *Если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего* (Мф. 24:43).

Пророк Нафан. Мозаика. XII в.

Единственным ветхозаветным аналогом полноценных притч Иисуса является наставление, которое пророк Нафан преподал царю Давиду после того, как тот взял себе в жены Вирсавию, жену Урии Хеттеянина, а мужа ее поставил на самый опасный участок битвы, чтобы он погиб:

И послал Господь Нафана [пророка] к Давиду, и тот пришел к нему и сказал ему: в одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный; у богатого было очень много мелкого и крупного скота, а у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, как дочь; и пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему. Сильно разгневался Давид на этого человека и сказал Нафану: жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это; и за овечку он должен заплатить вчетверо, за то, что он

сделал это, и за то, что не имел сострадания. И сказал Нафан Давиду: ты – тот человек... (2 Цар. 12:1–7).

Пророк Нафан обличает Давида. *Миниатюра. X в.*

В данном случае перед нами развернутая аллегория, в которой несколько героев: богатый человек, странник, бедняк, овечка бедняка. Трое из героев символизируют персонажей из реальной жизни: богатый человек – Давида, овечка – Вирсавию, бедняк – Урию; лишь странник, как кажется, никого не символизирует. Адресат притчи призван распознать в описанном в ней поступке совершённый им грех, чего, однако, не происходит. Тогда сам автор притчи кратким и прямым обращением к адресату изъясняет ее смысл, указывая на значение лишь одного из образов; в свете этого разъяснения получают истолкование прочие образы.

Важным элементом притчи является цель, с которой она произносится: слушатель должен узнать в герое притчи самого себя, спроецировать описанную в ней историю на свою жизненную ситуацию. «Цель притч, в отличие от фольклорных историй, заключается не в том, чтобы развлечь. Их цель гораздо важнее: вызвать в слушателе изменение ума или, лучше, изменение сердца, привести его к покаянию»¹¹. Притча Нафана достигла цели, хотя и не сразу.

¹¹ Boucher M. I. The Parables. P. 18.

2. Почему иисус говорил притчами?

Обращаясь к притчам Иисуса, мы должны прежде всего отметить, что они представляют собой наиболее сложный для интерпретации пласт Его прямой речи. Даже для Его современников они были по большей части непонятны, что подтверждают неоднократные попытки учеников получить разъяснение той или иной притчи (Мф. 13:36; 15:15). Об этом же свидетельствует и вопрос, который ученики задали Иисусу после того, как Он произнес притчу о сеятеле. В Евангелии от Матфея этот вопрос передан в следующей редакции:

И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют. И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их (Мф. 13:10–15).

Как показывает ответ Иисуса ученикам, Он сознавал непонятность Своих притч и тем не менее произносил их; непонимание же слушателей объяснял словами из книги пророка Исаии, которые переносил на Своих современников. У Исаии эти слова звучат в определенном контексте, который необходимо учитывать: они вправлены в рассказ о его призвании к пророческому служению. Рассказ начинается с описания видения, которого Исаия удостоился в год смерти царя Озии. Он увидел Господа, сидящего на престоле и окруженного серафимами, восклицавшими: *Свят, свят, свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его.* От этих восклицаний поколебались верхи врат и дом наполнился кадильным дымом. Исаия в ужасе восклицает: *Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.* К пророку прилетает один из серафимов, в руке у которого клещи с горящим углем. Он прикасается углем к устам пророка и говорит: *Вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.* Далее пророк слышит голос Господа, говорящего: *Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?* Он отвечает: *Вот я, пошли меня.* В этот момент и звучат из уст Самого Бога те слова, которые Иисус процитировал в Своем ответе ученикам: *Пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (Ис. 6:1-10).*

Пророк Исаия. Фреска. XIV в.

Иисус, таким образом, проводит прямую параллель между ситуацией, в которой оказался Исаия, когда Бог послал его проповедовать израильскому народу, и Своей миссией. Он сознает, что имеет дело с людьми, которые будут *с трудом* (βαρεως) воспринимать то, что Он им говорит, потому что они *глаза свои сомкнули*, то есть сами закрыли в себе доступ к принесенной Им Благой вести. В первую очередь цитата из Исаии относится к той категории слушателей Иисуса, которая не воспринимает Его проповедь: к духовным лидерам народа израильского – первосвященникам, книжникам и фарисеям. Но в большей или меньшей степени цитата относится также к простым слушателям – тем, кто пришел к Иисусу без злых намерений, без задних мыслей, без заведомого желания Его искушить, оспорить или опровергнуть. Их духовное состояние не позволяет им в полной мере воспринять истины, которые Он им хочет передать; вот почему для передачи этих истин народу Он использует особую форму подачи, специально приспособленную для него.

Какой цели служит эта форма – облегчить понимание или затруднить его? На первый взгляд кажется, что Иисус, как мудрый педагог, должен был бы прилагать усилия, чтобы облегчить людям понимание того, что Он хочет сказать. Но причинно-следственная связь между слушанием и восприятием по-разному выражена у Матфея и у двух других синоптиков. У Матфея, как мы видели, слова Иисуса даны в следующей редакции: *Потому говорю им притчами, что они видят не видят... У Марка они звучат несколько иначе: Вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не понимают, да не обратятся, и прощены будут им грехи* (Мк.4:11–12). В той же редакции слова Иисуса приведены у Луки (Лк. 8:10).

В русском Синодальном переводе разница между двумя редакциями – Матфея и двух других синоптиков – сглажена. В оригинальном тексте Евангелий от Марка и Луки вместо матфеевского *διὰ τοῦτο... ὅτι* (*потому, что*) стоит предлог *ἵνα* (*чтобы*). Этот предлог придает тексту иной смысл. Буквальный перевод слов Иисуса, по версии Марка и Луки, звучит так: *а тем внешним все бывает в притчах, чтобы они, смотря, смотрели и не видели, и слушая, слушали и не разумели*. Именно так текст звучит в славянском переводе Евангелия от Марка: *Вам [есть] дано ведати тайны царствия Божия: онем же внешним в притчах вся бывають. Да видяще видят, и не узрят: и слышаще слышат, и не понимают: да не когда обратятся, и оставятся им греси*.

Ученые спорили о значении предлога *ἵνα* (*чтобы*) в данном тексте на протяжении всего XX века¹². Некоторые видели в нем неудачный перевод с арамейского, искажающий изначальный смысл¹³. Другие оспаривали такую точку зрения¹⁴. Предлагалось рассматривать *ἵνα* как указание не на цель, а на последствия¹⁵. Ряд ученых считает, что, пытаясь объяснить феномен непонятности притч, Марк создал свою «ожесточающую теорию» и вложил ее в уста Иисуса, Который в действительности ничего подобного не говорил, поскольку считал Свои притчи понятными¹⁶.

Попытки перетолковать значение слов Иисуса, как они переданы у Марка и Луки, в сторону смягчения были связаны прежде всего с опасением, что при буквальном переводе они могут быть восприняты в духе учения Кальвина о предопределении. Согласно этому учению

¹² См.: Turner N. Grammatical Insights into the New Testament. P. 47–50.

¹³ Manson T. W. The Teaching of Jesus. P. 75–80.

¹⁴ Black M. An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. P. 153–158.

¹⁵ Peisker C. H. Konsekutives hina in Markus 4:12. P. 126–127; Chilton B. D. A Galilean Rabbi and His Bible. P. 93–94.

¹⁶ Carlston C. E. The Parables of the Triple Tradition. P. 97–109.

одни люди заведомо предопределены к спасению, другие – к гибели¹⁷. Те, кто не предопределены к спасению, не могут понять смысл притч.

Между тем буквальное прочтение рассматриваемого места из Евангелия от Марка вовсе не обязательно должно вести к кальвинистскому толкованию. Такое прочтение полностью соответствует словам Иисуса из Евангелия от Иоанна: *На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы* (Ин. 9:39). Здесь предлог *ἵνα* переведен как *чтобы*: при помощи этого предлога обозначается причинно-следственная связь между пришествием в мир Иисуса и результатом Его проповеди. И оказывается, что результатом становится не только прозрение тех, кто раньше не видел, но и ослепление тех, кто считал себя видевшим. Однако данный результат отнюдь не является следствием предопределения одних к спасению, а других к гибели. Напротив, он проистекает из того, что одни откликаются на проповедь, а другие нет, одни с верой приходят к Иисусу, ища духовного прозрения, другие, подобно фарисеям и книжникам, затыкают уши и смыкают очи.

¹⁷ Кальвин Ж. Наставление в христианской жизни. 3, 21. Т. 2. С. 375–387.

Евангелист Марк. *Миниатюра. 778–820 гг.*

Приведенные слова являются частью диалога Иисуса с иудеями, состоявшегося после того, как Он вернул зрение слепорожденному. Само чудо, описанное Иоанном, наглядно иллюстрирует то двойное действие, которое Иисус оказывает на окружающих: приходящие к Нему

с верой получают от Него прозрение; те же, кто приходит с недоверием, со мнением или неверием, не только не прозревают, но наоборот, еще больше выявляют свою слепоту. На вопрос иудеев *неужели и мы слепы?* Иисус отвечает: *Если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас* (Ин. 9:40–41). Здесь ключевое значение приобретает дважды употребленный термин *αμαρτία*, переведенный как «грех», но в классическом греческом языке означающий ошибку, промах, попадание мимо цели. Именно результатом греха является неспособность людей увидеть то, что должно быть для них очевидно, и понять подлинный смысл адресованных им слов.

Грех приводит к духовной слепоте и глухоте. Физическая слепота и глухота требует определенного подхода от тех, чьей задачей является обучение страдающих одним из этих недугов, врожденным или приобретенным. При обучении слепых и глухих используются специальные методы, разработанные для этих категорий людей. Точно так же при работе с духовно слепыми и глухими требуется определенный способ подачи дидактического материала, конкретная форма, в которую этот материал должен быть облечен. Такой формой для Иисуса стала притча.

Однако если в случае с обучением слепых и глухих специальные методы разрабатываются, чтобы облегчить им усвоение материала, то в случае с притчами Иисуса дело обстоит иначе. Возвращаясь к смыслу Его слов, как они приведены у Марка и Луки, мы можем констатировать, что Он произносил притчи не для того, чтобы облегчить людям понимание Своего учения. Как кажется, ставилась обратная задача – *усложнить* процесс понимания, сделать его более трудоемким.

Одно из недавно предложенных объяснений этого парадоксального аспекта проповеди Иисуса, не раз привлекавшего внимание ученых, исходит из предположения, что Иисус произносил притчи в целях собственной безопасности:

Иисус говорит притчи, *чтобы* Его не поняли... Если слишком многие люди поймут слишком хорошо, свобода передвижений, а то и жизнь пророка окажется под угрозой. Иисус знал, что Его весть о Царстве революционна. По самым разным причинам ей будут не рады и римляне, и Ирод, и ревнители еврейского благочестия, и еврейские вожди (как официальные, так и неофициальные). По этой причине Он должен говорить притчами, *чтобы глазами смотрели – и не видели*. Это единственный безопасный путь... До поры до времени цензура пропустит такие притчи. Затем настанет время для более открытых речей¹⁸.

Вряд ли следует всерьез воспринимать такое объяснение, игнорирующее тот очевидный факт, что притчи отнюдь не были какой-то промежуточной, временной формой, в которой Иисус излагал Свое учение: Он произносил их с самых первых дней Своего служения в Галилее до последних, предшествовавших аресту, дней, которые Он провел в Иерусалиме. Поучения, изложенные *не* в форме притчи, Иисус произносил *параллельно* с притчами, а не только на заключительном этапе Своего служения: об этом свидетельствует Нагорная проповедь, отнесенная Матфеем к началу Его служения, и многочисленные публичные беседы Иисуса с иудеями в Евангелии от Иоанна. Если бы Иисус боялся напрямую обращаться не только к сочувствовавшим Ему слушателям, но и к оппонентам, значительная часть Его обращений к иудеям, вошедших в Евангелия, в них бы просто отсутствовала.

Другое объяснение причин, по которым Иисус говорил притчами, основывается на том, что сам образ Иисуса, Его чудеса и Его проповедь оказывали двойное действие на людей: в одних они укрепляли веру, у других, напротив, вызывали отторжение и ненависть. Как под-

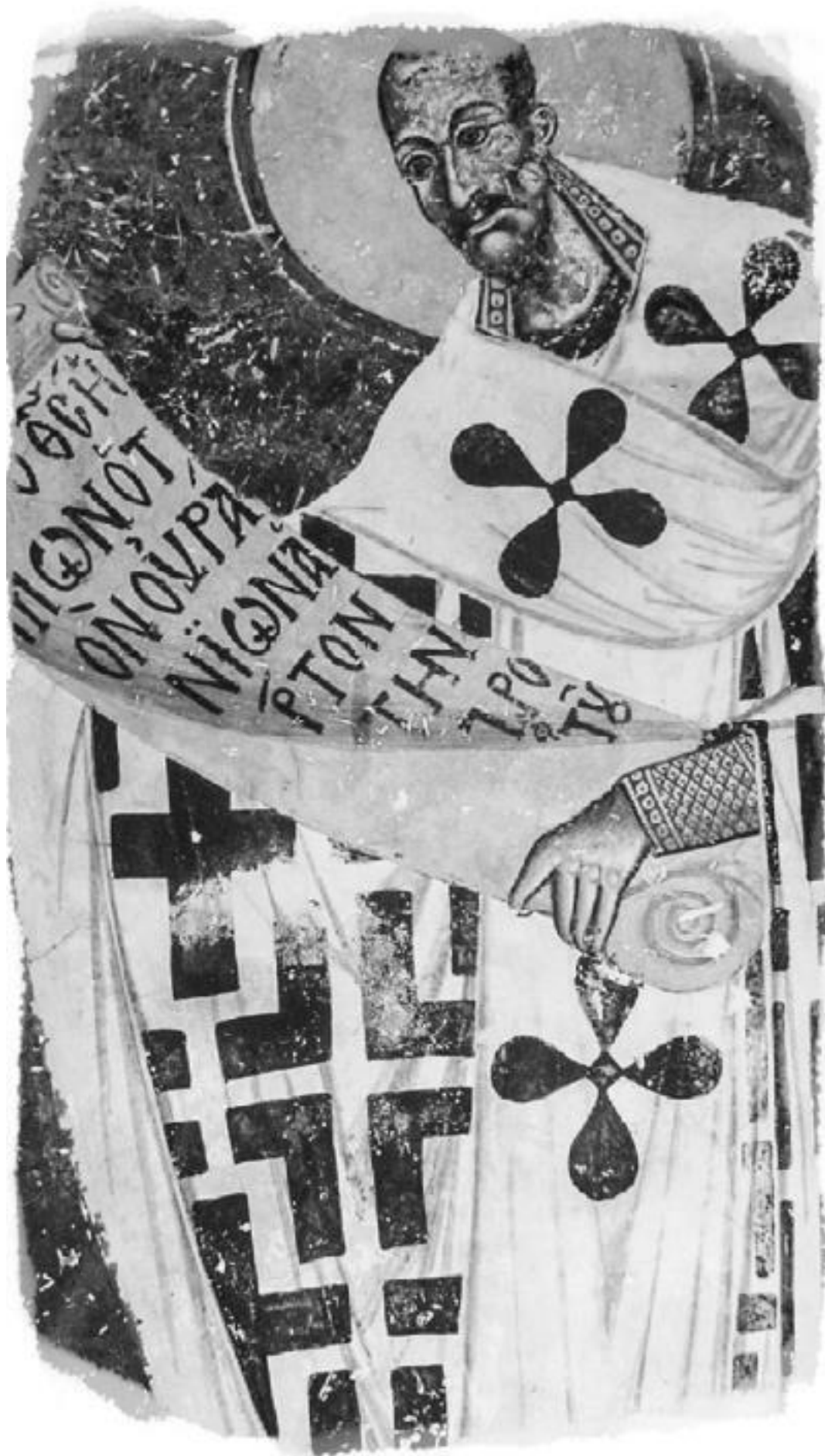
¹⁸ Райт Н. Т. Иисус и победа Бога. С. 216.

черквивают исследователи, многие слушатели Иисуса «прекрасно понимают призыв притч, но не готовы следовать ему»¹⁹; «даже враги Христа на когнитивном уровне²⁰ воспринимали его притчи»²¹. В качестве примера ссылаются на реакцию фарисеев, которые после произнесения Иисусом притчи о злых виноградарях *старались схватить Его но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал притчу* (Мк. 12:12). Здесь налицо не непонимание, а сознательное сопротивление.

¹⁹ *Klauck H. J.* Allegorie und Allegorese in synoptischen Gleichnistexten. S. 251.

²⁰ Т. е. на уровне сознания.

²¹ *Бломберг К.* Интерпретация притчей. С. 42–43.

Святитель Иоанн Златоуст. *Фреска. 1191 г.*

Простые, но убедительны ответы на вопрос о том, почему Иисус говорил притчами, дает Иоанн Златоуст. По его мнению, Иисус говорил притчами «для большей выразительности»²² и использовал «прикровенную» речь, потому что говорил о возвышенном²³. Другое объяснение, принадлежащее ему же: «Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он наконец стал говорить им притчами»²⁴.

Обратим внимание на то, что, когда ученики услышали первую притчу Иисуса, они не задали вопрос о ее значении. Они спросили: *Для чего притчами говоришь им?* (Мф. 13:10). Только после того, как они получили ответ на этот вопрос, а вместе с ним и разъяснение притчи, они осмелились задать вопрос, касавшийся уже другой притчи: *Изъясни нам притчу о плевелах на поле* (Мф. 13:36). Поначалу их интересовало не столько значение притчи, сколько сам способ подачи дидактического материала, которым воспользовался Учитель. Лишь во вторую очередь они спрашивают о значении притчи. В большинстве же случаев евангелисты вообще не отмечают какого-либо интереса учеников к значению притч: может даже создаться впечатление, что, получив разъяснение первых двух, они вообще не интересовались содержанием последующих. Во всяком случае, если они и получили разъяснения от Учителя, то не сочли нужным донести их до потомства, и большинство притч осталось в Евангелиях без объяснения.

Все дискуссии вокруг интерпретации притч в XIXXX веках касались исключительно вопроса об их значении, содержании, смысле. Однако озабоченность смыслом, характерная для современного человека, была, по-видимому, менее характерна для непосредственных слушателей Иисуса – галилейских крестьян, во множестве собиравшихся вокруг Него, чтобы послушать Его слова. Их, возможно, в гораздо меньшей степени интересовало учение Иисуса, чем Его личность, чудеса, которые Он совершал, и сама тональность Его речи, столь не похожая на тональность, в которой к ним обращались книжники и фарисеи (Мф. 7:29). Как отмечает исследователь, для многих, собиравшихся послушать Иисуса, это была первая встреча с Тем, о Ком говорила вся округа. Слушая Его, они задавались не столько вопросом «что Он имеет в виду?», сколько вопросом «что происходит?»²⁵.

Даже в наше время, обсуждая выступления популярного телеведущего (просим прощения у благочестивого читателя за сравнение, которое может показаться неуместным), люди нередко обращают больше внимания на то, как он выглядит, во что одет или каким тоном говорит, чем на смысл его слов. Образ человека, его имидж, его поведение на сцене или перед телекамерой имеют для слушателей и зрителей не меньшее значение, чем содержательная сторона его выступления. Это в особенности относится к ситуациям, когда люди впервые видят ту или иную знаменитость – будь то в реальной жизни или на телеэкране. Психологический эффект от встречи с очень ярким человеком подчас приводит к тому, что смысл его слов вообще не воспринимается: его образ, личность полностью вытесняют из сознания слушателей то, что он говорит.

Сходные переживания можно наблюдать у некоторых людей, впервые берущих в руки Евангелие. Никогда прежде не соприкоснувшись с Иисусом и Его вестью, они при первом чтении многого не понимают. Евангелие погружает их в мир образов, далеких от повседневной действительности; материал изложен языком, к которому они не привыкли: с одной стороны, очень простым, с другой – достаточно сложным для восприятия. И тем не менее они продол-

²² *Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна. 59, 2 (PG 59, 324). Рус. пер.: С. 388.*

²³ *Его же. 3 (PG 59, 326). Рус. пер.: С. 390.*

²⁴ *Его же. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 45, 1 (PG 57, 472). Рус. пер.: С. 477.*

²⁵ *Wright S. I. Jesus the Storyteller. P. 95–96.*

жают читать, пробираясь через тернии малознакомых для них образов и понятий. В изречениях Иисуса, в Его притчах они ощущают присутствие Того, Кто их произносил. Именно это чувство живого присутствия Христа оказывается для многих главным впечатлением от первого прочтения Евангелия. Вопросы о смысле тех или иных эпизодов, изречений и притч человек начинает задавать уже потом – при втором или третьем чтении.

Жанр притчи является одним из промежуточных звеньев между прозой и поэзией. Притчи излагаются, как правило, в прозаической форме, однако их образный строй, язык, лаконичная форма изложения, присказки и присловия, которыми они часто сопровождаются (*кто имеет уши слышать, да слышит; много званых, но мало избранных; будут последние первыми, и первые последними*), – все это сближает притчи с поэзией, придает им поэтическую окрашенность. Соответственно, и восприятие притч слушателем близко к тому, как люди воспринимают поэзию. В стихотворении читатель, как правило, не ищет мораль, выводы или инструкции: гораздо важнее оказываются образы, звукопись, ритм, игра слов, другие приемы поэтического мастерства.

Иисус нередко обращался к людям с прямыми наставлениями, имевшими императивную форму (примером может служить уже упомянутая Нагорная проповедь). Но в притчах Он прибегал к иной форме изложения, оставлявшей значительно больше пространства для воображения, фантазии, самостоятельного творческого осмысления. В притчах Иисус предстает перед нами не только как учитель нравственности, но и как поэт, облакающий свою мысль в пластичные и многофункциональные словесные формы, предполагающие многоуровневое восприятие – не столько через интеллект, сколько через сердце.

Не будем забывать и о том, что если для нас притчи являются прежде всего письменным текстом, который мы читаем, изучаем, анализируем, то для непосредственных слушателей Иисуса дело обстояло иначе: они слышали Его живую речь со всей характерной для нее динамикой устного, межличностного диалога²⁶. При переносе на бумагу неизбежно исчезали те дополнительные оттенки, которые слушатели улавливали благодаря интонации Рассказчика, Его жестуляции, повышению и понижению голоса, выражению лица и глаз²⁷. Какие-то дополнительные обертоны утрачивались при переводе с арамейского на греческий язык²⁸, а затем и при каждом новом переводе текста с греческого на иные языки.

И тем не менее, несмотря на то что в определенном смысле каждая притча Иисуса, которую мы читаем сегодня на своем родном языке, является реконструкцией того, что Он говорил когда-то Своим непосредственным слушателям, через письменный текст этих притч до нас доносится Его живой голос. И письменный текст воскрешает перед нами образ Того, Кто не только нес людям весть о Царствии Божием, но и обладал способностью облечь эту весть в яркие, запоминающиеся образы²⁹.

Притча является носителем важных богословских истин, но выражаются они не через четкие дефиниции (определения), а через метафору:

Иисус был метафорическим богословом. Смысл того, что Он хотел сказать, Он выражал скорее через метафору, уподобление, притчу и драматическое действие, чем через логику и резонирование... Метафора передает смысл такими способами, которыми это не могут сделать рациональные аргументы. Метафора, впрочем, не является иллюстрацией идеи: это способ богословского дискурса. Метафора делает больше, чем разъясняет смысл: она создает смысл. Притча – это развернутая метафора и

²⁶ Donahue J. R. The Gospel in Parable. P. 3.

²⁷ Ср.: Lischer R. Reading the Parables. P. 7–8.

²⁸ Jeremias J. The Parables of Jesus. P. 25–26.

²⁹ Ср.: Wenham D. The Parables of Jesus. P. 13.

как таковая она не является просто системой передачи идей: она – дом, в котором читателя или слушателя приглашают поселиться³⁰.

Притча имеет некоторое сходство с басней или сказкой. Подобно басне она построена на принципе метафоры и в некоторых случаях заканчивается прямым указанием на то, как эта метафора соотносится с реальностью. Подобно сказке, притча не претендует на реализм и может содержать в себе разного рода фантастические детали, закончиться раньше, чем хотелось бы слушателям. Прослушав сказку или басню, дети иногда спрашивают: «А что было дальше?» Это вопрос взрослым кажется неуместным и комичным, так как они знают законы жанра.

У жанра притчи тоже есть свои законы. Один из них заключается в том, что не все детали притчи имеют равное значение и не каждая деталь требует истолкования. Еще Иоанн Златоуст говорил о том, что «не на все в притчах надо обращать внимание»³¹. Современный исследователь пишет: «Притча и реальность не равнозначны. Притчи не являются прямыми описаниями реальности и не претендуют на то, чтобы описать жизнь такой, какой она должна быть. Они только частично отображают реальность, которую призваны явить... Мы никогда не поймем притчи, если не сфокусируем внимание на том, как функционирует аналогия»³².

Иными словами, в каждой притче есть детали, имеющие функциональное значение, но могут быть также элементы, не выполняющие никакой метафорической функции. Вопросы, касающиеся значения той или иной детали, не несущей смысловой нагрузки, могут оказаться столь же неуместными, как и детские вопросы относительно возможного продолжения сказки, которая уже закончилась.

На наш взгляд, ключ к ответу на вопрос о том, почему Иисус избрал форму притчи в качестве основного способа подачи дидактического материала, следует искать в сопоставлении Его притч с Его же чудесами. Взаимосвязь между словами и действиями Иисуса очевидна. При этом основную часть Его действий, описанных евангелистами, составляют именно чудеса. Мы можем говорить о том, что чудо было основной формой, в которой Иисус выражал Себя *через Действие* как Сын Божий, посланный в мир Отцом. Точно так же притча была основной формой, в которой Сын Божий выражал Себя *через слово*, передавая людям ту Благоую весть, которую Он послан был возвестить.

Чудеса Иисуса не воспринимались людьми пассивно. Очень часто, совершая исцеление, Иисус не только требовал от исцеляемых веры, но и ставил веру условием совершения чуда. Нередко исцеление, будучи Его действием, должно было сопровождаться конкретными действиями со стороны человека, над которым совершалось. К ним Иисус прямо призывал исцеляемых: *Протяни руку твою* (Мф. 12:13; Мк. 3:5; Лк. 6:10); *Встань, возьми постель твою, и иди в дом твой* (Мф. 9:6; Мк. 2:11; Лк. 5:24). С другой же стороны, Его чудеса вызвали *противодействие* со стороны тех, у кого вся Его деятельность вызывала раздражение и неприятие. Чудо становилось вызовом и для тех, и для других: одни через активное содействие получали исцеление и спасение, другие через активное противодействие получали вечную погибель.

Точно таким же вызовом становилась каждая притча для тех, кто ее слышал. Притча – это «реалистичный вымысел»³³; «земная история», имеющая «небесное значение»³⁴; «жанр, созданный для того, чтобы удивлять, заставлять задуматься, встряхивать»³⁵. Как и многие дру-

³⁰ Bailey K. E. Jesus through Middle Eastern Eyes. P. 279–280. См. также: Bailey K. E. Finding the Lost. P. 15–22.

³¹ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 64, 3 (PG 57, 613). Рус. пер.: С. 656.

³² Snodgrass K. Stories with Intent. P. 517.

³³ Kloppenborg J. S. The Tenants in the Vineyard. P. 51 (“realistic fiction”).

³⁴ Jones P. R. The Teaching of the Parables. P. 131.

³⁵ Levine A. J. Short Stories by Jesus. P. 3–4.

гие тексты Священного Писания, притчи одновременно «вдохновляют и бросают вызов, утешают и осуждают: они являются мечом обоюдоострым»³⁶.

Будучи повествовательной по форме, притча иносказательна по содержанию³⁷. Притча ставила целью превратить слушателей из пассивных рецепторов Благой вести в активных соратников Того, Кто эту весть им приносит. Она требовала собственных интеллектуальных и духовных усилий от тех, кому была адресована, собственной работы над пониманием ее смысла, она «провоцировала активную работу мысли»³⁸. Каждый должен был воспринять притчу по-своему, и именно в этом, по-видимому, и заключалась главная цель произнесения Иисусом притч.

Использование Им жанра притчи в качестве основного носителя той вести, которую Он хотел сообщить людям, связано с возможностями этого жанра, отличающими его от прямолинейных высказываний. В Ветхом Завете Бог говорил с народом языком повелений, выраженных в жесткой императивной форме и сопровождавшихся угрозами наказания за их невыполнение. В Новом Завете Бог говорит с людьми иным языком: Он никому ничего не навязывает, уважая свободу выбора каждого конкретного человека. Современный православный богослов пишет:

Жанр притчи обладает способностью охватить более широкий спектр слушателей, от простых рыбаков до изощренных в философии мыслителей. Каждый может найти в притче нечто созвучное его интересам, поэтому притча имеет несколько уровней понимания: одни и те же слова могут сообщить несколько уровней истины. В притчах, истина не навязывается. Притчи – единственный способ достичь той глубоко личной бездны человеческого сознания, которая не принимает ни силы, ни принуждения. Живой, никогда не кончающийся диалог каждой притчи с человеческим сознанием позволяет перейти от недвижимого образа общения к динамике живых отношений через характерную особенность жанра притчей: незафиксированность, избегающую прямолинейной статики³⁹.

Каждая притча предполагает индивидуальное прочтение: ее смысл открывается конкретному человеку из его собственной жизненной ситуации, из того контекста, в котором он живет. При этом смысл притчи может по-разному раскрываться при каждом новом прочтении. Это относится к одному человеку и к целым поколениям. На разных этапах своего духовного развития человек может по-разному понимать смысл одной и той же притчи. И целые группы людей могут по-разному воспринимать их в зависимости от своего культурного контекста, от вызовов своей эпохи, от множества других факторов, влияющих на восприятие.

Именно благодаря этому притчи обладают особым свойством: они никогда не устаревают. Будучи изначально адресованы конкретным людям, жившим в определенный исторический период, притчи Иисуса сохраняют актуальность для всех последующих поколений. Каждая новая эпоха изобретает свои подходы к притчам, свои методы толкования. Но всегда и везде действует универсальный принцип: пытаюсь понять смысл притчи, читатель или слушатель вольно или невольно проецирует ее сюжет на собственную жизненную ситуацию, подобно тому как это должен был сделать царь Давид после того, как пророк Нафан рассказал ему притчу об овечке.

³⁶ *Lambrecht J.* Out of the Treasure. P. 195.

³⁷ *Bailey M. L.* Guidelines for Interpreting Jesus' Parables. P. 30.

³⁸ *Dodd C. H.* The Parables of the Kingdom. P. 16.

³⁹ *Николай (Сахаров), иером.* Краткий обзор методики современного толкования притчей Христовых в синоптических Евангелиях. С. 199, 207–209.

Иисус цитировал слова из книги пророка Исаии по отношению к тем, кто слушает Его притчи. На Исаию ссылается и евангелист Иоанн, говоря о реакции противников Иисуса на Его чудеса:

Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем (Ин. 12:37–41).

Этот текст служит дополнительным подтверждением тесной связи не только между чудесами и притчами Иисуса, но и между реакциями людей на эти чудеса и притчи.

По содержанию, форме, образному строю и действию притчи сродни пророчествам. Многие пророчества были предсказаниями о событиях будущего; притчи тоже. Пророки использовали богатый язык образов, символов и метафор; в притчах используется похожий язык. Пророчества были рассчитаны на длительное, многовековое «функционирование»: их основная функция заключалась в том, что они *сбывались*, причем сбываться они могли неоднократно, в разных ситуациях по-разному. Евангелия наполнены указаниями на пророчества, сбывшиеся в жизни и служении Иисуса. Притчи тоже предназначены к тому, чтобы жить долго, на протяжении веков, и сбываться, то есть доказывать свою актуальность и значимость на разных этапах развития человечества, а также в судьбах отдельных людей.

Всякий раз, когда тот или иной читатель или слушатель узнавал себя в одном из героев притчи, свою жизненную ситуацию в ситуации, описанной в притче, свою проблему, касающуюся взаимоотношений с Богом или с людьми, в проблеме, обозначенной в притче, эта притча сбывалась. Всякий раз, когда тот или иной народ, то или иное поколение людей совершало поступки, приводившие к тем же последствиям, что и описанные в конкретной притче, эта притча сбывалась.

В том, что Иисус говорил притчами, Его ученики видели исполнение ветхозаветных пророчеств. Изложение поучения из лодки – первого собрания притч Иисуса, вошедшего в Евангелие от Матфея, – завершается словами евангелиста: *Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное (κεκρυμμένα) от создания мира (Мф. 13:34–35).* Эти слова являются парафразом стиха из 77-го псалма, в русском Синодальном переводе с иврита звучащего так: *Открою уста мои в притче и произнесу гадания из Древности (Пс. 77:2).* В Септуагинте первая половина стиха дословно совпадает с версией Матфея, вторая близка ему по смыслу: «Отверзу в притчах уста мои, произнесу гадания (προβλήματα – здесь “загадки”, буквально: “задачи”, “вопросы”) от начала».

Евангелист Матфей и ангел. *Рембрандт. 1661 г.*

Каждая притча была одновременно загадкой и задачей для учеников: загадкой, которую надо было отгадать; задачей, которую надо было решить. Таковыми притчи остаются по сей день для всех, кто пытается понять их смысл. Результат этого процесса во многом зависит от того герменевтического ключа⁴⁰, который используется для объяснения притч. Таких ключей в истории толкования притч было изобретено немало. И тем не менее к каждой притче приходится искать свой ключ, свой подход. Об этом мы подробнее скажем ниже, в разделе, посвященном толкованию притч.

⁴⁰ Т. е. ключа к толкованию. Герменевтика – искусство толкования.

3. Притчи иисуса: классификация

Притчи Иисуса, содержащиеся в синоптических Евангелиях, могут быть классифицированы по целому ряду признаков, в частности: 1) по длине; 2) по присутствию в одном, двух или трех Евангелиях; 3) по наличию или отсутствию толкования; 4) по месту и времени произнесения; 5) по содержанию.

Классификация по Длине

Некоторые притчи представляют собой развернутое повествование, в котором несколько действующих лиц участвуют в событиях, развивающихся на протяжении определенного времени. К числу таких развернутых повествований относится, например, притча о блудном сыне (Лк. 15:11–32): в ней участвуют несколько персонажей (отец, младший сын, старший сын), действие разворачивается на протяжении длительного времени (описывается молодость младшего сына, его уход в далекую страну, его пребывание там, его возвращение и встреча с отцом). В притче о богаче и Лазаре (Лк. 16:19–31) два главных действующих лица (богач и Лазарь) и несколько побочных персонажей (псы на земле, ангелы на небесах, пять братьев богача, оставшихся на земле); действие начинается на земле, а заканчивается в загробном мире. Эти притчи подобны многофигурным композициям, в которых запечатлены действия, совершавшиеся в разное время, – такие композиции можно часто встретить на иконах.

На противоположном конце спектра стоят притчи, уместяющиеся в одно предложение и содержащие лишь один главный образ: женщины, положившей закваску в тесто (Мф. 13:33); купца, нашедшего жемчужину (Мф. 13:45–46); невода, закинутого в море (Мф. 13: 47–48). Но и в этих кратких притчах наряду с главным образом присутствуют побочные (например, имущество, которое купец должен продать, чтобы купить жемчужину; рыба, пойманная неводом и сортируемая в соответствии с качеством). Такие притчи напоминают картину с одним сюжетом, в центре которой изображен один главный персонаж, занимающийся тем или иным делом.

Ориген

Попытки классификации притч по длине предпринимались еще в ранней Церкви. Рассматривая притчи, вошедшие в поучение из лодки (Мф. 13:1-33), Ориген говорит о том, что только первые две из них (о сеятеле и о плевелах) можно считать притчами, тогда как две следующие являются «не притчами, а уподоблениями (οὐ παραβολές ἀλλ' ομοιώσεις)». Различие между притчей как развернутым повествованием и уподоблением как краткой метафорой, призванной указать на Царство Небесное, Ориген выводит из слов Иисуса: *Чему уподобим (ομοιώσωμεν) Царствие Божие, или какую притчею (εν τίνι παραβολή) изобразим его?* (Мк. 4:30). По словам Оригена, «из этого становится ясно, что есть различие между уподоблением

и притчей». В то же время Ориген допускает, что «уподобление» может быть родовым термином, а «притча» – видовым⁴¹.

Классификация по наличию в одном, двух или трех Евангелиях

Каждый из трех евангелистов-синоптиков пользовался своим собранием притч, которое лишь частично пересекалось с собраниями двух других синоптиков или одного из них. Распределение притч по синоптическим Евангелиям представлено в следующей таблице:

Притчи	Матфей	Марк	Лука
Притчи в трех Евангелиях			
О сеятеле	Мф. 13:1–9	Мк. 4:1–9	Лк. 8:4–8
О горчичном зерне	Мф. 13:31–32	Мк. 4:30–34	Лк. 13:18–19
О злых виноградарях	Мф. 21:33–46	Мк. 12:1–12	Лк. 20:9–18
Притчи в двух Евангелиях			
О доме на камне и доме на песке	Мф. 7:24–29		Лк. 6:6–11
О детях на улице	Мф. 11:17–19		Лк. 7:31–35
О закваске	Мф. 13:33–35		Лк. 13:20–21
О заблудшей овце	Мф. 18:12–14		Лк. 15:3–7
О благоразумном рабе/домоправителе	Мф. 24:45–51		Лк. 12:41–48
Притчи в одном Евангелии			
О плевелах	Мф. 13:24–30		
О сокровище в поле	Мф. 13:44		
О драгоценной жемчужине	Мф. 13:45–46		

⁴¹ Ориген. Толкование на Евангелие от Матфея. 10, 4 (SC 162, 152154). Рус. пер.: С. 31–32.

О неводе	Мф. 13:47–50		
О немилосердном заимодавце	Мф. 18:23–35		
О рабочих в винограднике	Мф. 20:1–16		
О двух сыновьях	Мф. 21:28–32		
О брачном пире (ср. притчу о званых на вечерю у Лк.)	Мф. 22:1–14		
О десяти девах	Мф. 25:1–13		
О талантах (ср. притчу о десяти минах у Лк.)	Мф. 25:14–30		
О посевах и всходах		Мк. 4:26–27	
Об ожидании хозяина дома		Мк. 13:32–37	
О двух должниках			Лк. 7:36–50
О милосердном самарянине			Лк. 10:25–37
О докучливом друге			Лк. 11:5–13
О безумном богаче			Лк. 12:13–21
О бодрствующих слугах			Лк. 12:35–40
О бесплодной смоковнице			Лк. 13:6–9
О званых на вечерю (ср. притчу о брачном пире у Мф.)			Лк. 14:15–24
О строителе башни			Лк. 14:28–30
О царе, идущем на войну			Лк. 14:31–32
О потерянной драхме			Лк. 15:8–10
О блудном сыне			Лк. 15:11–32
О неверном управителе			Лк. 16:1–13
О богаче и Лазаре			Лк. 16:19–31
О рабах, ничего не стоящих			Лк. 17:7–10
О докучливой вдове			Лк. 18:1–8

О мытаре и фарисее			Лк. 18:9–14
О десяти минах (ср. притчу о талантах у Мф.)			Лк. 19:11–27

Как явствует из этой таблицы, наибольшее количество притч содержится в Евангелиях от Матфея и Луки, меньшее – в Евангелии от Марка.

Притчи иногда вкрапляются в повествовательный текст, иногда даются целыми блоками – как единая речь, состоящая из цепочки притч. Так, например, 13-я глава Евангелия от Матфея содержит семь притч, следующих одна за другой: из них две наиболее пространственные истолкованы Иисусом по просьбе учеников, одна, менее пространная, включает в себя толкование, а четыре наиболее краткие оставлены без толкования. Похожую серию притч мы находим в 4-й главе Евангелия от Марка. У Луки также притчи нередко следуют одна за другой, в частности в 15, 16 и 18-й главах.

Наличие одной и той же притчи в двух или трех Евангелиях обычно объясняется двумя факторами: 1) евангелисты рассказывают одну и ту же притчу, которую оба заимствовали из одного источника (устного или письменного) или разных версий этого источника; 2) Иисус повторял Свои притчи в разных ситуациях – иногда почти дословно, а иногда с довольно существенными изменениями. Как отмечает исследователь, «важно понять, что Иисус рассказывал ту или иную притчу не раз. Невозможно себе представить, что странствующий учитель может воспользоваться такими прекрасными историями, как притча о блудном сыне или добром самарянине, только однажды»⁴². По словам другого ученого, Иисус «мог неоднократно рассказывать одни и те же притчи с небольшими вариациями. Следствием этого должно было бы стать наличие в источниках разных версий одних и тех же притч. . . Именно такую картину мы и находим в источниках»⁴³.

В некоторых случаях кажется достаточно очевидным, что одна и та же притча Иисуса рассказана двумя или тремя евангелистами (например, притчи о сеятеле и о горчичном зерне у трех синоптиков). В других случаях мы, скорее, имеем дело с двумя притчами на сходный сюжет, произнесенными Иисусом дважды, при разных обстоятельствах (например, притча о брачном пире в Мф. 22:1–14 и притча о званых на вечерю в Лк. 14:15–24; притча о талантах в Мф. 25:14–30 и притча о десяти минах в Лк. 19:11–27). Рассматривая конкретные притчи, содержащиеся более чем в одном Евангелии, мы будем указывать на степень сходства различных версий между собой.

Классификация по наличию или отсутствию толкования

Все притчи Иисуса можно условно разделить на две категории: те, которые Он Сам истолковал, и те, которые остались без подробного толкования. Именно те притчи, значение которых Иисус изложил в ответ на просьбу учеников, дают нам герменевтический ключ к пониманию других притч, потому что показывают, как в Его сознании символы и образы соотносились с реальностью. Это не означает, что все притчи могут быть истолкованы по одному и тому же шаблону. Это означает лишь, что Иисус не оставил Своих учеников и последователей в полном неведении относительно того, как надлежит понимать и толковать Его притчи. Его толкования содержат в себе подсказки для других толкователей, и Его собственный метод истолкования должен быть взят за основу каждым – будь то священник в храме или ученый за письменным

⁴² Борг М. С. Бунтарь Иисус. С. 187.

⁴³ Райт Н. Т. Иисус и победа Бога. С. 165.

столом, – кто хочет подойти максимально близко к тому смыслу, который Иисус вкладывал в Свои притчи.

В современной новозаветной науке господствующим является взгляд, согласно которому толкования притч, содержащиеся в синоптических Евангелиях, принадлежат не Иисусу, а последующим редакторам. Именно они якобы решили таким образом задать тон в аллегорической интерпретации притч, получившей свое развитие в ранней Церкви. Иисус, согласно этой точке зрения, никогда не толковал Свои притчи, потому что само такое толкование противоречило бы Его изначальному намерению скрыть содержание притчи под серией образов и метафор. Сочинить притчу и ее тут же истолковать – все равно что составить кроссворд и прямо под ним (а не в следующем номере журнала или хотя бы на другой странице) опубликовать ответы на поставленные в нем вопросы. Мнение о том, что Иисус оставлял все Свои притчи без истолкования и что все толкования притч, содержащиеся в Евангелиях, являются плодом позднейшего творчества, получило широкую поддержку в новозаветной науке XX века⁴⁴.

Ученые, придерживавшиеся метода анализа форм, в частности Р. Бультман, считали необходимым сначала поместить каждое речение Иисуса в определенную жанровую категорию (притча, пословица, рассказ), а затем к каждому жанру применить свою, специально для него разработанную процедуру истолкования. При этом для каждой притчи необходимо было определить *Sitz im Leben*⁴⁵ – ту жизненную ситуацию, в которой ранняя Церковь могла применять данную притчу. Если жизненная ситуация прослеживалась вплоть до Иисуса, тогда смысловое зерно притчи объявлялось восходящим к Нему Самому; при этом подразумевалось, что дошедший до нас текст притчи в любом случае представляет собой плод труда позднейших редакторов⁴⁶.

В качестве одного из критериев аутентичности указывалась близость изложения той или иной притчи к семитскому типу языка и мышления. Отсутствие таковой близости снижало, с точки зрения ученых, вероятность того, что речение восходит к Самому Иисусу. Такой подход приводил к тому, что, например, толкование притчи о сеятеле (Мф. 4:13–20) приписывалось позднейшему редактору, тогда как основное содержание притчи приписывалось Иисусу⁴⁷.

С такой точкой зрения мы категорически не согласны по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, этот взгляд основывается на презумпции недостоверности евангельского текста, на предположении, что выдаваемое в Евангелии за прямую речь Иисуса может в действительности принадлежать самому евангелисту. Подобный подход заведомо обесмысливает все попытки исследовать текст Евангелия, ставя между читателем и текстом столько препон, что добраться до смысла текста для читателя становится практически невозможно. Любые попытки вычленив аутентичное зерно из евангельского текста путем его декомпозиции и фрагментации (расчленения на части) носят в высшей степени гипотетический, произвольный и предвзятый характер. Или текст должен рассматриваться в том виде, в каком он дошел до нас (с учетом возможных разночтений в рукописной традиции), или исследователь неизбежно впадает в заколдованный круг догадок и предположений относительно возможной недостоверности тех или иных фрагментов текста, тех или иных приписываемых Иисусу слов, начиная изучать уже не сам текст, а некоторый его предполагаемый несуществующий прототип.

Во-вторых, указанный взгляд противоречит характеру взаимоотношений между Иисусом и Его учениками, описанных на страницах Евангелий. Иисус избрал двенадцать учеников как особую группу приближенных лиц, которым открывал то, что должно было оставаться сокрытым от других. В той или иной форме Он многократно напоминал ученикам об этом их осо-

⁴⁴ См., напр.: *Jeremias J. The Parables of Jesus. P. 77–79, 81–85; Scott B. B. Hear Then the Parable. P. 343–352; Funk R. W., Scott B. B., Butts J. R. The Parables of Jesus. P. 59, 65.*

⁴⁵ Букв. «место в жизни» (нем.).

⁴⁶ См.: *Бломберг К. Интерпретация притчей. С. 76–78.*

⁴⁷ См., напр.: *Jeremias J. The Parables of Jesus. P. 77–79.*

бом призвании, в том числе в приведенных выше словах: *вам Дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано* (Мф. 13:11); *вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах* (Мк. 4:11; Лк. 8:10). Логическим следствием отвержения аутентичности толкований, которые Иисус дал ученикам в ответ на их просьбу, должен быть и отказ от признания подлинности приведенных слов, а вместе с ними – всей системы взаимоотношений между Иисусом и учениками, отраженной в Евангелиях. Эта система была построена на противопоставлении: вы – они, вы – внешние. В рамках данного противопоставления ученики оказываются в привилегированном положении: они от Учителя получают ответы на тот кроссворд, разгадать который сами не в силах.

Если Иисус, произнося притчи, имел целью скрыть их содержание, то это не означает, что данная цель распространялась на всех без исключения Его слушателей. То, что одним (*тем внешним*) преподавалось в прикровенной, завуалированной форме, для других (учеников) могло быть открыто. Одно не противоречит другому, как не противоречит цели произнесения притч то, что реакция на них могла быть самой разной: от искреннего стремления их понять, вникнуть в глубину их содержания, до полного их отторжения, желания заткнуть уши и сомкнуть глаза, чтобы не слышать и не видеть. Подобную разную реакцию Иисус прогнозировал, когда говорил о том, что ученикам дано знать тайны Царствия Божия, а другим не дано.

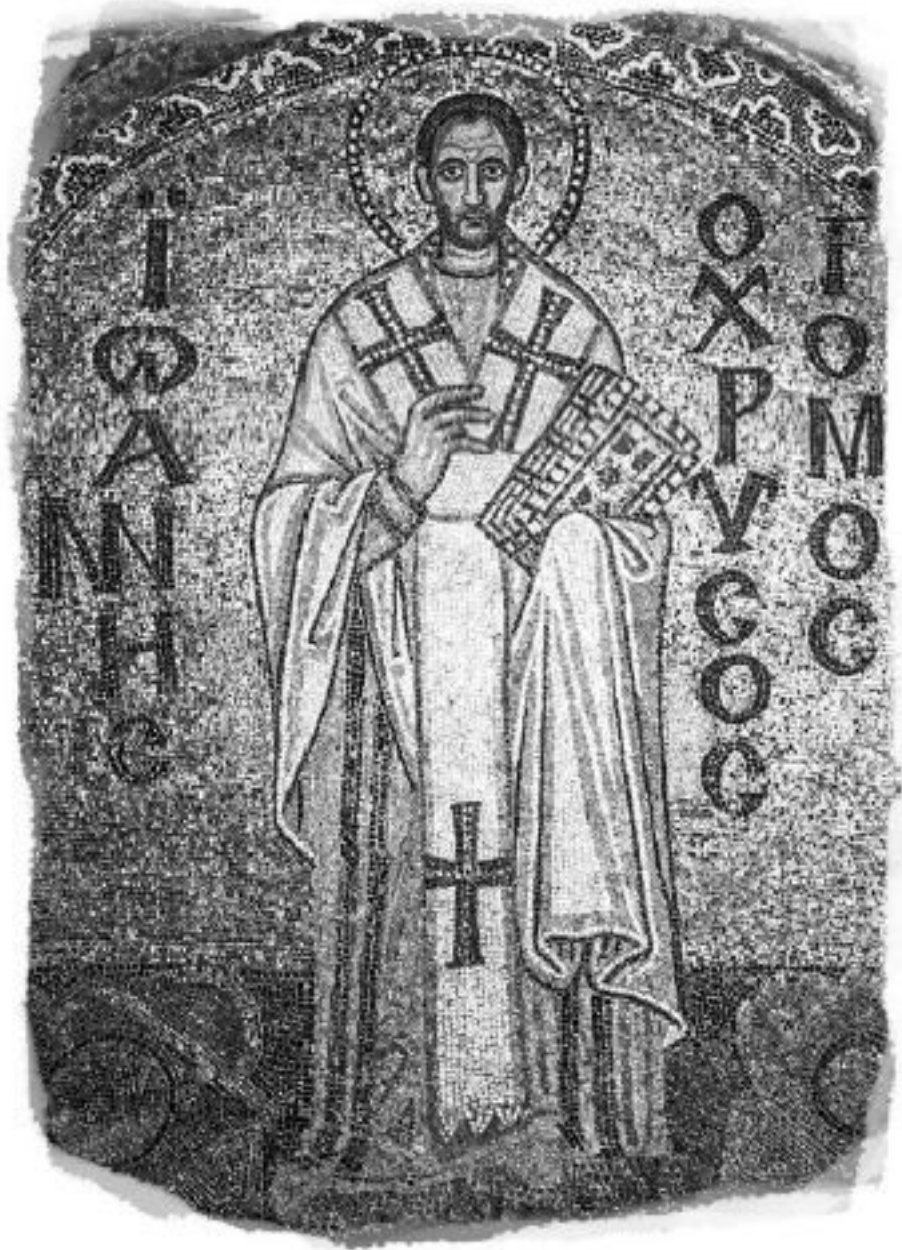
Свои слова Он сопровождал афоризмом, который произносил и в других случаях: *Кто имеет, тому Дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет* (Мф. 13:12; 25:29; Мк. 4:25; Лк. 8:18; 19:26). Данный афоризм следует понимать не как указание на несправедливость Бога, дающего одному и отнимающего у другого, а как описание различной реакции людей на действия Бога. Иоанн Златоуст поясняет:

Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует всё; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. *У того отнимется*, – говорит, – *и то, что имеет*. Это не значит, что Бог отнимает у него, но что не достаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно и при всех убеждениях наших остается невнимательным, – наконец перестаем говорить, потому что если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы увлекаем в разговор и многое ему сообщаем⁴⁸.

Классификация по месту и времени произнесения

Из синоптических Евангелий можно заключить, что Иисус произносил притчи на протяжении всего периода Своего земного служения. По месту и времени произнесения притчи Иисуса можно разделить на три категории: относящиеся к более раннему периоду и произнесенные в Галилее; произнесенные на пути в Иерусалим; произнесенные в Иерусалиме незадолго до Его страданий и смерти. Последние разительно отличаются от первых не только по тематике, но и по общей тональности.

⁴⁸ Иоанн Златоуст. Толкование на святого Матфея-евангелиста. 45, 1 (PG 58, 471–472). Рус. пер.: С. 475–476.

Святитель Иоанн Златоуст. Мозаика. IX в.

В галилейских притчах значительное место занимают светлые, радостные, положительные, вдохновляющие образы: сеятель щедро разбрасывает семена, не думая о том, на какую почву они попадут (Мф. 13:3–5); из горчичного зерна вырастает дерево, и птицы прилетают, чтобы укрыться в его ветвях (Мф. 13:31–32); человек находит на поле сокровище и *от радости о нем* продает все, что имеет, и покупает поле (Мф. 13:44); купец находит драгоценную жемчужину (Мф. 13:45); человек бросает семя в землю, и оно приносит сначала зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе и наконец плод (Мк. 4:26–29); человек выходит на поиски заблудшей овцы и, найдя ее, *радуется о ней более, нежели о девяности девяти незаблудившихся* (Мф. 18:13); милосердный самарянин находит человека, ставшего жертвой разбойников, перевязывает его раны, возливая масло и вино, привозит в гостиницу, платит хозяину гостиницы за его содержание (Лк. 10:33–35); щедрый хозяин отворяет двери своего дома для нищих, увечных, хромых, слепых (Лк. 14:21); женщина, потерявшая монету, находит ее, созывает подруг и соседок и говорит: *порадуйтесь со мною: я нашла потерянную драхму* (Лк. 15:8–

9); милосердный отец радостно встречает вернувшегося из дальних странствий блудного сына, устраивает в честь него пир с пением и ликованием (Лк. 15:20–25).

По мере приближения к Иерусалиму общая тональность притч меняется, все большее место занимают сумрачные образы, все чаще возникают темы возмездия, воздаяния, суда: немилосердный богач, оказавшись в аду, мучается в пламени, просит Авраама послать к нему Лазаря, чтобы тот омочил конец перста в воде и охладил язык его; потом просит послать его к своим братьям, оставшимся на земле, но на все просьбы получает отказ (Лк. 16:22–31); раб, получивший от господина одну мину и хранивший ее в платке, лишается того, что имеет, а врагов господина избивают на его глазах по его приказу (Лк. 19:20–27).

В притчах и поучениях, произнесенных в Иерусалимском храме, тема возмездия и суда становится доминирующей: человека в небрачной одежде выбрасывают во тьму внешнюю, где *плач и скрежет зубов* (Мф. 22:11–14); злые виноградари убивают сначала слуг своего господина, потом его сына, наконец он приходит и предаёт виноградарей смерти (Мф. 21: 35–41; Мк. 12:1–9; Лк. 20:9–16); перед неразумными девами затворяются двери, они пытаются войти, но хозяин брачного пира отказывает им (Мф. 25:10–12); Сын Человеческий отделяет овец от козлов и отправляет последних в муку вечную (Мф. 25:32–46).

Южные ступени Храмовой горы, Иерусалим

Тональность притч меняется постепенно: это не резкий переход из мажора в минор, а последовательное развитие, соответствующее общей динамике евангельского повествования. Каждое из четырех Евангелий имеет сходную драматургию. У всех четырех радостный и торжественный зачин (будь то повествования о рождении Иисуса у Матфея и Луки, рассказ о крещении Иисуса и Его выходе на проповедь у Марка или возвышенное и гимническое утверждение Иоанна о том, что Слово Божие явилось в мир как свет и тьма не объяла Его). Далее следует центральная часть, в которой разворачиваются картины борьбы между добром и злом, противодействия фарисеев и книжников Иисусу. Эта борьба ведет к видимому поражению Иисуса, суду над Ним, страданиям и крестной смерти. В финале драмы поражение неожиданно оказывается победой – смерть побеждена воскресением.

Притчи отсутствуют в начальных главах Евангелий, в истории Страстей и в рассказах о воскресении Иисуса. В центральной же части трех синоптических Евангелий они наряду с чудесами занимают основное место; их общее настроение соответствует развитию евангель-

ского сюжета, неумолимо приближающего читателя к трагической развязке конфликта между Иисусом и иудеями.

По месту и времени произнесения притчи распределяются следующим образом:

Притчи	Матфей	Марк	Лука
Притчи, произнесенные в Галилее			
О доме на камне и доме на песке	Мф. 7:24–29		Лк. 6:6–11
О детях на улице	Мф. 11:17–19		Лк. 7:31–35
О сеятеле	Мф. 13:1–9	Мк. 4:1–9	Лк. 8:4–8
О плевелах	Мф. 13:24–30		
О горчичном зерне	Мф. 13:31–32	Мк. 4:30–34	Лк. 13:18–19
О закваске	Мф. 13:33		Лк. 13:20–21
О сокровище в поле	Мф. 13:44		
О драгоценной жемчужине	Мф. 13:45–46		
О неводе	Мф. 13:47–50		
О посеве и всходах		Мк. 4:26–27	
О двух должниках			Лк. 7:36–50
О заблудшей овце (по версии Матфея)	Мф. 18:12–14		Лк. 15:3–7
О немилосердном займодавце	Мф. 18:23–35		
Притчи, произнесенные на пути из Галилеи в Иерусалим			
О милосердном самарянине			Лк. 10:25–37
О докучливом друге			Лк. 11:5–13
О безумном богаче			Лк. 12:13–21
О бодрствующих слугах			Лк. 12:35–40
О благоразумном домоправителе (= о благоразумном рабе у Мф.)			Лк. 12:41–48
О бесплодной смоковнице			Лк. 13:6–9
О званых на вечерю (= о брачном пире у Мф.)			Лк. 14:15–24
О строителе башни			Лк. 14:28–30
О царе, идущем на войну			Лк. 14:31–32

О заблудшей овце (по версии Луки)	Мф. 18:12–14		Лк. 15:3–7
О потерянной драхме			Лк. 15:8–10
О блудном сыне			Лк. 15:11–32
О неверном управителе			Лк. 16:1–13
О богаче и Лазаре			Лк. 16:19–31
О рабах, ничего не стоящих			Лк. 17:7–10
О докучливой вдове			Лк. 18:1–8
О мытаре и фарисее			Лк. 18:9–14
О десяти минах (= о талантах у Мф.)			Лк. 19:11–27
Притчи, произнесенные в Иерусалиме			
О работниках в винограднике	Мф. 20:1–16		
О двух сыновьях	Мф. 21:28–32		
О злых виноградарях	Мф. 21:33–46	Мк. 12:1–12	Лк. 20:9–18
О брачном пире (= о званых на вечерю у Лк.)	Мф. 22:1–14		
О благоразумном рабе (= о благоразумном домоправителе у Лк.)			Лк. 12:41–48
О десяти девах	Мф. 25:1–13		
О талантах (= о десяти минах у Лк.)	Мф. 25:14–30		
Об ожидании хозяина дома		Мк. 13:32–37	

Классификация по содержанию

Классификация притч по содержанию представляет наибольшие трудности для исследователя. А. Хультгрэн, автор одного из недавних и наиболее полных исследований притч, делит их на семь категорий: 1) притчи об откровении Божиим; 2) притчи о примерном поведении; 3) притчи о мудрости; 4) притчи о жизни перед Богом; 5) притчи о последнем суде; 6) аллегорические притчи; 7) притчи о Царстве⁴⁹. Другие исследователи ограничивались меньшим количеством категорий (например, четырьмя⁵⁰). Среди тематических категорий, под которые под-

⁴⁹ Hultgren A. J. The Parables of Jesus. P. 20–423.

⁵⁰ Hunter A. M. Interpreting the Parables. P. 42–91; Boucher M. I. The Parables. P. 69–160; Stein R. H. An Introduction to the Parables of Jesus. P. 82–145.

падают те или иные притчи, указывают следующие: 1) притчи о Царствии Божием; 2) притчи о Боге и взаимоотношениях между Богом и человеком; 3) притчи об отношениях между людьми; 4) притчи о Мессии и богоизбранном народе; 5) притчи о загробном воздаянии.

В той или иной мере каждая из притч может быть отнесена либо к одной, либо одновременно к двум и более категориям. В то же время любые попытки классифицировать притчи по содержанию оказываются уязвимыми по той причине, что лишь самые короткие притчи содержат один образ и, следовательно, одну тему. Есть притчи с двумя или тремя главными темами; есть притчи с одной главной и одной или несколькими побочными. К. Бломберг предлагает классифицировать притчи по следующим категориям: 1) простые притчи с тремя основными темами; 2) сложные притчи с тремя основными темами; 3) притчи с двумя основными темами; 4) притчи с одной главной темой⁵¹. Однако такая классификация также весьма условна, поскольку количество тем в притче по-разному определяется учеными: в одной и той же притче кто-то может увидеть лишь одну тему, а кто-то – две или более.

⁵¹ Бломберг К. Интерпретация притчей. С. 183–309.

4. Притчи Иисуса: основные конструктивные элементы

Первичным конструктивным элементом притчи является *образ*. Всякая притча должна содержать в себе как минимум один главный образ, вокруг которого выстраиваются побочные образы. В четырех притчах, вошедших в поучение из лодки, как оно изложено у Матфея (Мф. 13:1-33), к главным образам относятся семя в первых двух притчах, горчичное зерно в третьей, закваска в четвертой. Вокруг образа семени в первой притче выстраиваются образы сеятеля, четырех видов почвы, птиц, терния, во второй – человека, посеявшего семя, его врага, посеявшего между пшеницей плевелы, зелени, плода, рабов, снопов, жнецов, житницы. В третьей притче побочные образы человека, посеявшего зерно, дерева и птиц, укрывающихся в ветвях дерева, выстраиваются вокруг главного образа. В четвертой вспомогательную роль выполняют образы женщины, положившей закваску в три меры муки, и вскисающего теста.

Впрочем, совсем не всегда удастся определить, какой образ в притче является главным, а какой побочным. Кто важнее в притче о сеятеле – сам сеятель или посеянное им семя? Если исходить из того толкования, которое предложил Иисус, то основным образом является семя, поскольку оно символизирует слово Божие, а четыре вида почвы символизируют различную реакцию на него людей. Если же рассматривать притчу в христологической перспективе, с той точки зрения, какое отношение она имеет к деятельности и служению Иисуса, тогда на центральное место становится образ сеятеля. Если речь в притче идет о Боге, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5:45), то опять же центральным в притче оказывается образ сеятеля, щедро разбрасывающего семена вне зависимости от того, на какую почву они могут попасть. Расстановка акцентов в значительной мере зависит от толкования и от того, под каким углом зрения рассматривается та или иная притча, тот или иной образ.

В некоторых притчах налицо два или три главных образа. В притче о блудном сыне (Лк. 15:11-32) их три: отец, старший сын и младший сын. В притчах о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31), о неправедном судье и докучливой вдове (Лк. 18:1-8), о мытаре и фарисее (Лк. 18:9-14) их два. В притче о двух сыновьях (Мф. 21:28-32), несмотря на наличие отца, главными героями оказываются два сына; отец присутствует в притче лишь в силу необходимости и выполняет роль побочного персонажа. В притче о десяти девах (Мф. 25:1-13) мы видим два главных образа, оба коллективные: пять мудрых дев и пять неразумных. Что же касается образа жениха,

то он может трактоваться либо как второстепенный, либо как главный – в зависимости от того, ставится ли при толковании акцент исключительно на разнице в поведении дев или на реакции жениха на их поведение.

Евангелист Лука. *Миниатюра. 1609 г.*

Притчи с одним главным образом обычно строятся по принципу тщательной прорисовки этого образа и сопутствующих ему деталей. Горчичное зерно превращается не в какое-

то абстрактное дерево, а в то, ветви которого становятся укрытием для птиц небесных (Мф. 13:32). Закваска кладется не просто в тесто, но в *три меры муки* (Мф. 13:33). Сокровище не просто где-то хранится, но *скрыто на поле*; купить его можно только вместе с полем; чтобы его купить, нужно продать все (Мф. 13:44). Бросив семя в землю, человек не просто продолжает заниматься своим делом: он *и спит, и встает ночью и Днем; и как семя всходит и растет, не знает он*. И земля не просто произращает плод, но *производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе* (Мк. 4:27–28). Царь, идущий на войну, не просто просчитывает риски: он должен сесть и посоветоваться, *силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами*, и если поймет, что не силен, отправит к своему противнику посольство просить о мире (Лк. 14:31–32).

Притчи с двумя главными образами нередко построены на принципе *контраста*, или противопоставления: мытарь противопоставляется фарисею; нищий – богачу; сын, исполнивший волю отца, – сыну, не исполнившему его волю; девы благоразумные – девам неразумным; милосердный государь немилосердному рабу (Мф. 18:23–30).

Лоно Авраамово. *Миниатюра. 1397 г.*

Принцип контраста наиболее уместен в тех случаях, когда Рассказчик хочет достичь эффекта неожиданности. Так, например, в притче о богаче и Лазаре Иисус сначала крупными, яркими мазками рисует портрет богатого человека, пользующегося всеми благами мира сего, проводящего жизнь в роскоши; затем не менее красочно изображается бедняк, лежащий в струпьях у ворот дома богача. Эта ситуация хорошо знакома слушателям Иисуса: вполне возможно, что Сам Иисус, описывая ее, сделал зарисовку с натуры. Однако та ситуация, в которую оба – и богач, и нищий – попадают после смерти, слушателям неизвестна, и здесь их ожидает множество сюрпризов: оказывается, Лазарь попадает на лоно Авраамово, а богач в ад; выясняется, что облегчение страданий в аду невозможно и что никакое чудо не может спасти тех оставшихся в живых братьев богача, которые не слушаются Моисея и пророков (Лк. 16:19–31).

В притчах с тремя или более действующими лицами линии напряжения (или взаимодействия, или противостояния) иногда возникают между одним персонажем и каждым из прочих персонажей в отдельности. В притче о талантах (Мф. 25:14–30) господин сначала требует отчет у раба, получившего десять талантов, затем от получившего пять; наконец он требует отчет от получившего один талант, и здесь разворачивается конфликт между господином и рабом.

Иногда же во взаимодействие вступают различные персонажи, как это происходит в притче о блудном сыне (Лк. 15:11–32). В ней несколько сюжетных линий: первой и основной являются взаимоотношения отца с младшим сыном, второй – отношение старшего сына к отцу (*я столько лет служу тебе... но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими*). Попутно мы узнаем об отношении старшего сына к своему младшему брату (*этот сын твой, расточивший имение с блудницами*). Линии напряжения возникают то между отцом и младшим сыном, то между отцом и старшим, то между двумя братьями, один из которых не хочет даже видеть другого (*осердился и не хотел войти*).

Все образы, используемые Иисусом в притчах, заимствованы из повседневной жизни и охватывают различные области человеческой деятельности. В притчах Иисуса речь идет о царях и подданных, господах и рабах, богачах и бедняках, родителях и детях, заимодавцах и должниках, сеятелях и жнецах, рыбаках и их улове, хозяине и его овцах. Упоминаются различные денежные единицы (таланты, мины, драхмы), различные виды растений и злаков (смоковница, пшеница, плевелы, терние), разные животные (овцы, козлы, свиньи), птицы и рыбы. Основные образы заимствованы из жизни галилейской деревни; реже используются образы из городского быта⁵².

Оперируя знакомыми для Его слушателей образами, Иисус учит их от земной жизни возноситься умом к той реальности, которую Он называл Царством Небесным или Царством Божиим. Для Него присутствие этой реальности в земной жизни людей очевидно: она незримо наполняет собой человеческий быт, человеческие взаимоотношения, просвечивает сквозь различные предметы и явления, окружающие людей, придает всей их жизни смысл и оправдание.

Однако для Его слушателей эта реальность не очевидна: их ум прикован к земным предметам в их изначальном, земном значении. Даже ученики оказываются не способны воспринять метафорический язык Иисуса: Он призывает их беречься закваски фарисейской, а они думают о том, что не взяли хлеба (Мк. 8:15–16). Иногда Он к ним обращает те же слова, которые относил к прочим, внешним: *Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните?* (Мк. 8:17–18).

Размышляя о том, почему Иисус обращается к образам из жизни природы и из человеческого быта, святитель Николай (Велимирович) пишет:

Помещенный в этот мир человек словно погружен в море премудрости Божией, выраженной в притчах. Но тот, кто смотрит на сию премудрость только очами, не видит ничего, кроме платья, в которое она облечена; смотрит и видит одеяние природы, но дух и ядро природы не видит; слушает и слышит природу, но слушает и слышит бессмысленные голоса, а смысла не понимает. Ни оком нельзя увидеть сердцевину природы, ни ухом уловить смысл ее. Дух обнаруживает дух; осмысление находит смысл; разум встречается с разумом; любовь чувствует любовь. Мир есть богатая сокровищница поучительных притч, и тот, кто будет так его воспринимать и таким образом им пользоваться, не падет и не посрамится. И Сам Господь наш Иисус Христос в поучение людям часто использовал притчи, изображающие природу, то есть вещи и события мира сего. И часто Он брал для поучений обычные вещи и обычные события, чтобы показать, сколь питательное ядро и сколь глубокое содержание

⁵² Scott B. B. P. Hear Then the Parable. P. 79.

во всех них скрывается... Христос, как нарочно, выбирает из мира сего самые заурядные вещи, чтобы открыть людям тайну вечной жизни. Ведь что может быть обычнее соли, закваски, зерна горчичного, солнца, птиц, травы и лилий полевых, пшеницы и плевелов, камня и песка?.. Веками люди смотрели на обычные события, похожие на те, что описаны в притчах о сеятеле и семени, о пшенице и плевелах, о талантах, о блудном сыне, о злых виноградарях, но никому и в голову не приходило, что под листвою этих событий скрывается ядро, столь питательное для духа человеческого, пока Господь Сам не рассказал сии притчи, не растолковал их значение и не показал их ядро⁵³.

Ключом к пониманию притчи является вера. Это, опять же, сближает притчу с чудом. От тех, у кого сердце окаменело, кто не видит очами и не слышит ушами, смысл притчи остается сокрытым. Как чудеса Иисуса не убеждали книжников и фарисеев в истинности Его учения, так и Его учение, изложенное в притчах, не убеждало их в том, что Он – посланный от Бога Мессия. Напротив, благодаря вере многие свидетели чудес Иисуса и слушатели Его притч приходили к пониманию Его мессианской роли.

⁵³ Николай (Велимирович), свт. Творения. Кн. 2. С. 325–327.

Святитель Сербский Николай (Велимирович)

Одной из особенностей прямой речи Иисуса было то, что Он говорил *как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи* (Мф. 7:29). Другой, не менее характерной особенностью было Его умение о сложных вещах говорить просто, облекать трудные для восприятия истины в простые образы. В этом смысле можно утверждать, что притчи не только усложняли восприятие: одновременно они и облегчали его.

Некоторые высказывания Иисуса, не облеченные в форму притч, казались настолько не соответствующими общепринятым земным стандартам, что реакцией на них было недоумение и негодование даже ближайших к Нему людей. Услышав Его слова о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чем богатому войти в Царство Небесное, ученики *весьма изумились и сказали: так кто же может спастись?* (Мф. 19:25). Реакцией на Его слова о разводе стало недоумение: *Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться* (Мф. 19:10). Нагорная проповедь с ее прямыми призывами к духовному совершенству и по сей день

кажется многим заведомо недостижимым идеалом, не соотносящимся с земной реальностью. Что же касается реакции книжников и фарисеев на поучения Иисуса, то она была резко негативной с самого начала Его служения до самого конца, причем их внутренняя агрессия по отношению к Нему и их раздражение Его деятельностью только возрастали.

Притчи не давали поводов для столь резкой реакции, оставляли больше пространства в душе и уме слушателей (даже из числа книжников и фарисеев) для размышления и самоанализа. Для тех же, кто был изначально открыт к проповеди Иисуса, чье сердце было подобно плодородной почве (Мф. 13:8), каждая притча становилась указательным знаком на пути в Царство Небесное, даже если это Царство скрывалось за земными образами и подобиями.

Не последнюю роль в притчах Иисуса играют юмор и ирония⁵⁴. Тонким юмором пронизана притча о детях, играющих на улице (Мф. 11:16–17). Героем притчи о неправедном управителе становится гротескный персонаж, мошенник, чьи действия описываются не без доли иронии (Лк. 16:1–8). Юмор присутствует в описании таких персонажей, как судья из притчи о докучливой вдове (Лк. 18:2–5). Поведение человека, не хотевшего подняться с постели среди ночи, чтобы открыть своему другу (Лк. 11:7), «вызывало сдержанную улыбку у всех, кто слушал историю, потому что это было так похоже на то, что происходит в жизни»⁵⁵.

Аналогичную улыбку мог вызывать богач, рассуждавший сам с собой: *Что мне делать? некуда мне собрать плодов моих?.. Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* (Лк. 12:17–19). Однако улыбка должна была исчезнуть с лиц слушателей, когда они узнавали продолжение: обращенные к богачу слова Бога, неожиданно появляющегося в истории и полностью меняющего ее тональность.

⁵⁴ См. об этом: Ford R. Q. The Parables of Jesus. P. 124–126.

⁵⁵ Kistemaker S. The Parables of Jesus. P. 177.

5. Притчи Иисуса: способы интерпретации

Слушателями Иисуса были люди, жившие в одной с Ним стране, говорившие на одном с Ним языке, окруженные теми же предметами, что и Он, знакомые с теми же священными книгами, к которым Он постоянно обращался. По крайней мере, внешняя образная канва притч должна была быть им понятна; что же касается внутреннего содержания, то каждый понимал его по-своему или не понимал вовсе. Судя по приведенным выше словам Иисуса, Он и не ставил перед Собой цель преподать в притчах наставления, которые будут понятны всем сразу и всем одинаково.

Метафорический метод понимания притч был предложен Самим Иисусом в тех притчах, которые Он истолковал для учеников. В притче о сеятеле каждая деталь истолкована метафорически: сеятель – это Бог или Сам Иисус; семя – слово Божие; птицы – диавол; каменистая почва – бесплодие и непостоянство; терние – мирские заботы и богатство; добрая земля – способность человека не только слышать и понимать слово, но и приносить плоды (Мф. 13:19–23; Мк. 4:14–20; Лк. 8:11–15). В притче о плевелах также каждая деталь трактуется в переносном смысле: *Сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы* (Мф. 13:37–39).

Если толкование притч Иисуса было непростым делом уже для Его современников, то с каждым следующим поколением слушателей и читателей трудность только возрастала. Чем дальше то или иное поколение отстояло от временного и культурного контекста, в котором жил Иисус со Своими учениками, тем более разнообразным и аллегорическим становилось толкование притч. Уже во II веке Иринеи Лионский писал о том, что «притчи могут допускать много толкований»⁵⁶. Притчу о работниках в винограднике Иринеи толковал в том смысле, что через нее

показывается Один и Тот же Господь, одних призывающий в самом начале сотворения мира, других после того, иных в середине времен, иных по прошествии долгого времени, а иных в конце, так что много работников в

⁵⁶ Иринеи Лионский. Против ересей. 2, 27, 3 (PG 7, 803–804). Рус. пер.: С. 189.

каждое их время, но один созывающий их Домохозяин. Ибо один виноградник, так как и одна праведность, и один Распорядитель, так как один Дух Божий, все устрояющий; а также и одна награда, ибо все получили каждый по динарию, имеющему образ и надписание Царя – познание Сына Божия, которое есть бессмертие. И потому он начал давать награду с последних, потому что Господь в последние времена явил и представил Себя всем⁵⁷.

В III веке Ориген – не без влияния Филона Александрийского – заложил основы традиции аллегорического толкования Евангелия⁵⁸. По отношению к притчам эта традиция означала возможность аллегорического объяснения каждого образа, каждой детали. Если в толкованиях Иисуса на собственные притчи одному образу соответствовало одно понятие, явление, предмет или персонаж, то в александрийских толкованиях один и тот же образ мог интерпретироваться как указывающий на разные предметы или явления.

⁵⁷ Там же. 4, 36, 7 (PG 7, 1097–1098). Рус. пер.: С. 427. Подробнее о толковании притч у Иринея см. в: *Kissinger WS. The Parables of Jesus*. P. 1–4.

⁵⁸ См. об этом: *Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. Кн. I: Начало Евангелия*. С. 91.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.